

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

звездный тандем российского детектива

**Многие знания -
многие печали
•
Вне времени,
вне игры**

ЭКСМО
Москва
2014

Алексей Данилов

Сименс меня предупредил, что этот клиент будет сложным. Или особо сложным. Только чтоб выслушать его, понадобится несколько сеансов. Если, конечно, я возьмусь за него.

И вот он передо мною. Зовут Кирилл Павлович Баринов. Как явствует из визитной карточки, художник. Больше никаких данных, кроме телефона, на визитке не указано. Никаких регалий, на которые горазды иные: «Член союза художников, союза дизайнеров, академик такой-то академии, лауреат сякой-то премии». Тоже гордыня своего рода: считать, что он настолько хорошо известен, что его станут узнавать только по имени. Но я, к примеру, слышал его фамилию первый раз. Надо будет почитать о господине Баринове в Интернете. Если я, разумеется, буду заниматься его делом.

На вид Кириллу Павловичу лет сорок с небольшим. Впрочем, реально наверняка больше. Просто следит за собой. О, это большая редкость в нашем обществе: мужик, следящий за собой. (Я имею в виду: настоящий мужик, не гомосексуалист.) Лишнего веса нет. Стройный, как юноша. Длинные, почти до плеч, тронутые сединой, стильно постриженные волосы. Бородка. Джинсовая куртка. Моя бабушка сказала бы в его адрес с осуждением: «Молодится». Однако

бабушки нет на свете, а отношение к представителям сильного пола, которые следят за собой, в обществе потихоньку становится другим. Они по-прежнему белые вороны, но кое у кого вызывают уважение. У меня, к примеру, вызывают.

Внешне мой гость напоминает мушкетера. Но, разумеется, не из первой части трилогии Дюма. Скорее, одного из героев «Двадцати лет спустя». Или даже «Виконта де Бражелона». А вот кого конкретно? Не д'Артаньяна, понятно. Тот слишком для моего визитера сексуален, сангвиничен и прямолинеен. Портос — тоже другой, он чрезмерно толст и флегматичен. Значит, либо Арамис, либо Атос. А кто из них — посмотрим дальше.

— Что вас привело ко мне? — участливо спросил я.

Хороший доктор первым делом обычно спрашивает: «На что жалуетесь?» Я начинаю по-другому. Мой стиль отличен от врачебного. Я ведь не лекарь. Не колдун-шарлатан. И не гадалка. Не астролог. И не частный детектив. Однако я людям помогаю. Иначе бы они не стояли ко мне в очереди по несколько месяцев. И не интриговали в поиске знакомых и связей, чтобы обойти хвост. «Что вас привело ко мне?» — подходящий вопрос для столь востребованного специалиста, как я.

— Мне страшно, — отвечивал на первый вопрос визитер.

«Вероятно, — подумал я, — он пришел не по адресу, надо направить его к знакомому психотерапевту. Ну, и слава богу».

Я люблю свою работу, но, как и все, не люблю начинать новое дело. Мое подсознание вечно всячески от него отлынивает, цепляется за увертки и отмазки.

— Люди обычно боятся чего-то. Или кого-то, — произнес я. Свои тугрики за визит я все равно отработать должен. Да так, чтобы клиент почувствовал пользу.

— Я не очень понимаю, чего конкретно боюсь. С одной стороны, вроде бы ясно чего: смерти. Вы скажете, не мудрено, годы-то какие: пятьдесят с хвостиком. В Средние века, да и во времена Мунка с Ван Гогом это считалось глубокой старостью. Пора убираться.

— Выглядите вы прекрасно, — развел я руками. Легкая лесть входит в комплекс моих услуг. Клиент должен выйти от меня с лучшим настроением, нежели то, с каким пришел. Иначе он не расскажет своим друзьям и знакомым обо мне ничего хорошего. Несмотря на разгул рекламы и пиара, у нас в обществе до сих пор правит бал общественное мнение. Иначе говоря, все решает репутация. А она создается слухами.

— Да, пожить еще хотелось бы... Но тут, знаете ли, такая ситуация... С одной стороны, забавно рассказывать... А с другой — реально непонятно, что происходит.

— Не волнуйтесь. Уверен, что бы вы мне ни поведали — эти стены еще и не такое слышали. И, замечу, за их пределы ничего из сказанного здесь никогда не выходило.

— Понимаете, когда-то, много лет назад, я был в одной компании... Впрочем, компанией это назвать трудно. Мы тогда работали в одной бригаде стройотряда. Вы знаете, что такое стройотряд?

— В общих чертах.

Он все-таки пояснил:

— В советские времена это была распространенная форма организации студентов. Летом стройотряды обычно выезжали в Сибирь, на Урал, на БАМ. Иногда в Астрахань, собирать арбузы. Или в Нечерноземье — коровники строить. Кое-кто и в Москве, Подмосковье трудился. Стройотряды, вопреки распространенному сейчас мнению, не были обязательной. Хочешь — езжай. Нет — отправляйся в студенческий лагерь в Крым, купаться, лопать абрикосы, пить портвейн. Или — на деревню к бабушке. Однако платили в стройотряде круто. Поэтому туда многие стремились. Я в том отряде, о котором пойдет речь, заработал больше тысячи рублей. За два с небольшим месяца. Столько в Советском Союзе получали только академики. Ну, еще генералы. И генералы от искусства, — он хмыкнул. — Художники, писатели, скульпторы — из официально признанных, разумеется. Те, кто имел постоянные заказы.

Мне самому немногим за тридцать, и советские времена я практически не застал. Однако растили меня люди из тех времен. Точнее, все насквозь пропитанные теми временами. Поэтому своим предисловием посетитель мне Америки не открыл. Помнится, и отец покойный что-то про стройотрядную юность рассказывал.

— Я свою рабочую биографию начал после первого курса, — продолжал визитер. — То был совершенно особый год. Одна тысяча девятьсот восемьдесятый. Особенное лето.

— Олимпиада, — понимающе кивнул я.

— Да! Московская Олимпиада! Столицу тогда прихорашивали-принаряживали. А в рамках подготовки к играм — отправляли за тридевять земель, на прак-

тику и в стройотряды, всех иногородних студентов. Тогда нам даже экзамены перенесли: летнюю сессию сдавали в мае. И вступительные экзамены в столичные вузы передвинули — с июля на конец августа. Все для того, чтобы как можно меньше непроверенного молодого контингента шло по Белокаменной. А места в общагах заняли специально подготовленные люди из провинции: туристы из всех уголков СССР (как нам говорили). Но, главным образом, думаю я, в общаги селили провинциальных кагэбэшников, мильтонов, дружинников, оперотрядовцев. Огромные массы перемещались по стране, все пришло в движение, чтобы обеспечить Москве олимпийской тишь да гладь, да божию благодать. Надежные — в столицу, сомнительные — прочь из города. Я тоже из Первопрестольной в то лето смотался. Хоть и был коренным москвичом, а не каким-то понаехавшим... Извините! — вдруг спохватился он. — Слишком долгое предисловие. Это непроизвольно. Наверно, оттого, что мне не слишком приятно рассказывать суть дела.

Вы знаете, — он вдруг перескочил на другую тему, — компании, которые складывались в стройотрядах, обычно были не структурированы. Они быстро разваливались, о них скоро забывали. С теми, с кем *учился* — в одном классе, в одной группе, на одном курсе, — обычно не так. С ними и подружиться легче — когда ты учишься бок о бок пять или шесть лет, экзамены сдаешь, лабораторки спихиваешь. Потом, во взрослой жизни, студенческое содружество сохраняется. И встречи выпускников бывают через десять лет, двадцать, двадцать пять. Я хоть подобные посиделки не слишком люблю, но все равно, когда начинается подготовка сбора, на тебя обязательно выходят ка-

кие-нибудь девушки — вы замечали, что организуют встречи выпускников обычно девушки? Это оттого, что у них чаще, чем у нас, личная жизнь не складывается. А также энергии в запасе больше — для того, чтобы совершить новую попытку эту жизнь наладить... И даже если не придешь сам на вечер встречи, все равно по ходу дела можно расспросить о тех, кто тебя интересует: а где такой-то? А такая-то?

Он говорил и на глазах успокаивался — это было заметно. Скорее, из мушкетерской четверки — он нервный меланхолик Арамис. Да и профессия этому характеру соответствует.

— Со стройотрядными друзьями все иначе. Там обычно ребята-девчонки с разных курсов сходятся. Поработаешь с ними одно лето, и до свиданья. Потом только в коридорах руки пожимаешь. Или они совсем пропадают. И не видишь их, и не знаешь о них ничего... Так вот, приступаю, наконец, к главному. Недавно я узнал о бригаде, с которой работал в то олимпийское лето на стройке в Сибири. И знаете что? — Он сделал паузу, тяжело вздохнул и безнадежно махнул рукой. — Их, кроме меня, было шестеро. И все они — умерли. Причем все по-разному. За последние два-три года. Я остался последний, седьмой. Поэтому у меня сразу два вопроса возникло. Не знаю: к вам, не к вам? Может, к самому себе. Или, скорее, к судьбе. Вопрос первый: почему — они? Чем эти шестеро связаны, кроме того лета? И второй: почему ребята скончались вдруг сейчас?

— А вы за эти годы встречались с ними?

— В том-то и дело, что нет! За эти тридцать с небольшим лет — ни разу, кроме как с одним. Впрочем, с ним, последним, тоже нехорошо вышло...

Кирилл Баринов

Месяцем ранее

Я был рад видеть Антошу, он нашел меня и позвонил спустя тридцать лет, как мы виделись последний раз. Мы договорились встретиться в кафе, и я ждал его, честно признаюсь, с определенным внутренним содроганием. Я помнил молодого, веселого, сильного, куражливового человека, явно не дурака выпить. Кем-то он предстанет передо мной сейчас? Как прошлась по нему затейница-жизнь, какими своими колесами и гусеницами?

— Привет, старичок! — Слава богу, Антон был узнаваем. Да, поредели и поседели волосы, мешочки появились под глазами, лицо прорезали морщины, природную плотность сменил очевидный животик — но это был он, Антоха Марцевич, и, столкнусь я с ним без подготовки на улице — я бы его узнал.

— Ты совсем не переменялся, — молвил он, облапив меня своим медвежьим объятием.

— Хватит врать! — воскликнул я. По совести, я употребил другой, мало приличный синоним слова «обманывать» — вообще-то я не люблю бытового мата, но тут, при встрече с другом из стройотрядной юности, он вырвался у меня сам собой.

— Ладно, ты не девочка, чтоб говорить тебе комплименты, — сказал Марцевич, усаживаясь за столик. — Да, старичок, ты сильно похужал, хе-хе, но возмудел, — повторил он шутку из нашей юности, — точнее, похудел, но возмужал. Как тебе удастся держать форму?

— Будем обсуждать мою диету? Или закажем что-нибудь? Что выпьем за встречу? Коньячка? Или ты по нынешним капиталистическим временам предпочитаешь виски? Кальвадос? Джин?

— Ничего, — погрузстнел Антоша.

— Как скажешь, я тоже не большой любитель. Может, чисто символически, за встречу, по пятьдесят граммов?

— Нет, старичок, ты не понял. Я ничего не буду. Я в строгой завязке.

— Ладно. Дело хозяйское.

— Зато много ем, — через силу улыбнулся Марцевич, — а как покушаю — добрею и веселею. Если разобратся, в свиной отбивной с картошечкой содержатся те же самые эндорфины, что в вине.

— И давно ты постишься? — спросил я сочувственно.

— В этот раз уже год и семь месяцев, — сказал он с оттенком гордости. «Значит, были и другие разы», — жалея друга, подумал я.

Потом начался довольно сумбурный разговор — как ты, как я? Он сказал, что следит за моими успехами и даже один раз приходил на мою выставку. А его жизнь в кратком пересказе напоминала синусоиду, восходящие участки которой приходились на времена, когда он бывал в «жесткой завязке», а нисходящие, когда срывался. Я позавидовал его упорству в борьбе с самим собой: подумать только, в третий или в четвертый раз в жизни снова вскарабкиваться на вершину! О том, что участок был восходящий, свидетельствовало то, что Антон был полон самых радужных планов, кипел энергией: «В меня сам Раенко поверил, снова взял к себе! Офис на Ордынке, кабинет отдельный! Кстати, послушай, а давай твою выставку у нас в офисе устроим? Денег не обещаю, но слава! К нам, знаешь, и члены правительства приходят, и из Думы депутаты бывают, и из Совета Федерации! Не говоря

уже о бизнюках! Закажут тебе свои портреты!» — «Да я портретов не пишу». — «А что пишешь?» — «Натюрморты, пейзажи, иллюстрации книжные». — «Ничего, напишешь пейзаж на заказ». Он был напорист, и я дал неопределенное согласие.

Я спросил его — но не потому, что очень хотелось знать, а скорее для поддержания разговора — количество общих тем катастрофически таяло:

— Как там наши?

И вот тут он погрустнел, посуровел и проговорил:

— Вот за этим я с тобой и хотел встретиться. Если под «нашими» ты имеешь в виду ребят, с которыми мы в стройотряде «Зурбаган-восемьдесят» работали, то они — все умерли.

Я вздрогнул:

— Как — все?

— Не весь отряд, конечно. Всего нас, если помнишь, там человек сто двадцать было. А вот из бригады, где мы с тобой, старичок, работали, — скончались все. Кроме меня и тебя. — И он поскуцневшим голосом начал перечислять: — Пойдем по порядку. Бригадир, Петр Горланин, по кличке Пит. Самое смешное, что он Питом в конце концов стал. Ну, или Питером. Еще в восемьдесят девятом Горланин эмигрировал в США. Долго там пробивался, начинал с посудомойщика, но пробился, и давно, лет пятнадцать как. В последнее время преподавал в нью-йоркском Королевском университете, постепенно дослужился до профессора. Полный фарш, как теперь говорят: вторая жена красавица, две дочки, свой дом в штате Коннектикут. Он оттуда на работу в Нью-Йорк ездил — сорок минут. Чаще на электричке, но порой и на авто. Да не каждый день, счастливчик! Но вот од-

нажды возвращался он почему-то поздно вечером и сильно выпивши. И зачем-то сам сел за руль. И прямо в Нью-Йорке, чуть не на самом Манхэттене, попал в ДТП. Машина всмятку, Пит погиб на месте. Даже до госпиталя не довезли. Полгода назад дело было. Пятьдесят шесть лет мужику, двое детей-школьников от второго брака.

— Да, невезуха, — прокомментировал я. А что еще скажешь? Я Петра Горланина никогда не любил — с тех самых времен, как мы в одной бригаде ломami орудовали. Были на то причины.

— Поехали дальше? — Антоха помрачнел еще больше. — Александр Кутайсов, помнишь его?

Конечно, я помнил Кутайсова. В нашем стройотряде восьмидесятого года он был звездой: Сашка пел. Он любил и умел это делать — и в качестве лидера стройотрядной рок-группы, и соло. Репертуар у него был самым модным по тем временам. Группа «Смоки», Градский, «Дип Перпл», «Юрайя Хип», «Роллинги». «Отель Калифорнию» на танцах обязательно пропевал два раза, один ближе к началу, второй — на бис: «Welcome to the Hotel California! Such a lovely place, such a lovely place, such a lovely face!» Помню, под кутайсовское исполнение «Отеля» я как раз пригласил Лидию и спросил то, что спросил. Н-да, ладно, проехали. Разговор сейчас у нас не про Лиду, а про Саню. Что с ним-то стало?

— Саня работал на Чернокопской АЭС. Жил в местном городке, Весенний называется. Если помнишь, атомные города с советских времен называются иначе, чем сама атомная станция — чтоб запутать вероятного противника. Санька женат был, двое детей, дочери, уже взрослые. Мы с ним время от времени

переписывались. Сначала, после того, как вуз закончили, открытками к праздникам обменивались — к Седьмому ноября, Первому мая, Новому году. Потом, когда электронная почта появилась, соцсети, совсем просто общаться стало. Санька рыбалку любил, охоту, часто ездил в лес... Карьеры, как я понимаю, не сделал. Так и сидел сменным инженером. А стогрел от рака. Меньше, чем за полгода. Довольно редкий вид — рак брыжейки. Очень поздно диагностировали, когда поделаться ничего было нельзя. Четвертая стадия. Скончался, как потом оказалось, через пару месяцев после Пита.

Сашку Кутайсова мне вдруг стало невыносимо жалко. Я хорошо помнил его. У меня даже фото сохранилось: мы рядом в стройотрядной столовке, у него в руках гитара, он поет. Оба — до ошеломления молодые. А рядом с нами сидит Пит, как всегда, снисходительно, чуть скептически улыбается. И еще один парень около — а кто таков, я и не помню. Кажется, после отряда мы с Кутайсовым так ни разу и не виделись. Вот и осталось в памяти: да, Шура Кутайсов, тот самый, что когда-то делал «Смоки» один в один.

Мне захотелось выпить — помянуть Саню, да и просто *захотелось*, но я не знал, можно ли это делать при Антохе, и потому решил пока не начинать.

— Юрку Пильгуя, помнишь? — Марцевич продолжал свой скорбный перечень. Юрку я тоже помнил. Он играл в группе вместе с Кутайсовым. На бас-гитаре.

У нас ведь тогда, в восьмидесятом, была блатная бригада. В нее (за одним исключением, но об этом позже) входили те, кто помогал комиссару отряда вести культурно-массовую работу. За это днем, когда